

Выпускъ XXI—№ 55

Еженедѣльный журналъ съ каррикат.

«ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ АЛЬМАНАХЪ»

Цѣна отд. номера 5 н.

Для Сибири и Закавказья цѣна 8 н.

ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ

ТАЧКА

СОВРЕМЕННЫЙ ЭКИПАЖЪ ДЛЯ ИСТИННО-РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ.

По совершенно независимымъ отъ редакціи обстоятельствамъ мы вынуждены временно избѣгать политики...

ТАЧКА.

Въ прежнее время пользовалось популярностью выражение: «прокатить на вороняхъ».

Нынче «воронья» кусаются... Нынче время прямого не равнаго, но явнаго и всеобщаго безденежья...

И поэтому приходится для «прокатыванія» пользоваться тачкой.

Согласитесь, что это самый дешевый экипажъ. Но ѣздить въ немъ должно быть не особенно приятно.

По крайней мѣрѣ лица, имѣвшія удовольствіе быть прокатанными на тачкѣ, не проявляютъ желанія повторить это своеобразное путешествіе.

А имъ и книги въ руки.

Катаютъ на тачкахъ не всякаго.

Для этого нужно заслужить общественное презрѣніе, для этого нужно сдѣлаться по крайней мѣрѣ «истинно-русскимъ» человекомъ.

Наиболѣе распространены вывозы на тачкѣ въ заводско-фабричномъ мірѣ.

Кромѣ того въ больницахъ.

Но мы надѣемся, что этотъ способъ выражать «недовѣріе» найдетъ примѣненіе и въ другихъ слояхъ общества.

Не будемъ далеко ходить — и попробуемъ примѣнить его хотя бы къ дачной жизни.

Рекомендуемъ каждому дачному мужу завести тачку.

Пассажиры всегда найдутся.

Во-первыхъ, «друзья дачи».

Согласитесь, гг. дачные мужья, что это огромное удовольствіе вывести собственного друга дачи на тачкѣ, вывести за «предѣлы досягаемости».

Конечно, съ женой будетъ истерика.

Но это пустяки, главное соблюденіе супружескихъ основныхъ законовъ.

А вывозомъ на тачкѣ друга дачи — они будутъ соблюдены!

Кромѣ «друзей дачи» рекомендуемъ вывозить дачныхъ гостей...

Конечно, неприятныхъ; приятные пригодятся по крайней мѣрѣ, для партій... въ винтъ.

«Партійныхъ» гостей рекомендуемъ принимать съ распростертыми объятіями и оказывать имъ всяческое содѣйствіе.

Затѣмъ слѣдуютъ дачные кредиторы.

О, здѣсь тачка можетъ оказать огромную услугу.

А расплотившись не въ мѣру «гороховыя пальто».

Только тачка можетъ освободить васъ отъ этихъ чрезвычайно любознательныхъ «фруктовъ».

Да, въ дачной жизни тачка положительно необходима!

Заводите этотъ экипажъ возможно скорѣй, сегодня же!

Пока тачки не вздорожали въ цѣнѣ, вслѣдствіе чрезвычайнаго на нихъ спроса.

И замѣтьте наше пророчество, намотайте его себѣ на... на головной «уборъ»...

Чѣмъ ниже будетъ падать рента, тѣмъ дороже будутъ тачки.

Какое-то таинственное взаимоотношеніе.

Въ Петербургѣ довольно долго бастовали «катали».

Катали, это — рабочіе, возящіе тачки.

Слѣдовательно, и вы, послѣ частаго вывоза различного неприятнаго элемента, будете имѣть право назвать себя, ну хотя бы «дачными каталями».

Дачный катали! Это звучитъ гордо!

И, конечно, благозвучнѣе, чѣмъ дачный мужъ.

И когда мы посоветуемъ вамъ забастовать — это не будетъ забастовка дачныхъ мужей, нѣтъ это будетъ забастовка дачныхъ каталей.

Согласитесь, что супруги будутъ опечалены вдвойнѣ...

И пойдутъ на всѣ уступки!

А поэтому ждите сигнала!...

СОВРЕМЕННАЯ ДАЧНАЯ ЖИЗНЬ.

Еще никогда пригородные дачники не испытывали такихъ волненій.

Помните прежнюю дачную жизнь?

Правда, она происходила при «усиленной охранѣ», но все-таки не была лишена своеобразной прелести.

Украшеніемъ дачной жизни прежде считались романы.

Лѣтніе, скоропреходящіе и тѣмъ болѣе приятные романы.

Романы à la minute.

Романы съ курьерскимъ поѣздомъ.

«Она» и «онъ», луна, балконы!

Какъ это было великолѣпно!

Мужъ только что вернулся изъ города, покушалъ весьма плотно, и на боковую.

«Она» только этого и ждала.

Кругомъ тишина. Только изъ спальни доносится грамофонообразный храпъ ея повелителя.

«Она» смотритъ въ садъ...

Чу! Кто-то перелѣзъ черезъ заборъ и направляется къ бесѣдкѣ.

«Она» выпрыгиваетъ въ окно.

И черезъ минуту замираетъ въ «его» объятіяхъ.

Кругомъ тишина, прерываемая только раскаленными поцѣлуями.

Даже прорѣзываніе роговъ у мужа совершается безшумно.

А теперь при «чрезвычайной охранѣ» не то.

Теперь мужъ пріѣдетъ, такъ, прежде чѣмъ покушать, всѣ окна и всѣ ставни наглухо запираетъ.

Къ его изголовью проведены проволоки отъ всѣхъ дверей и оконъ.

Достаточно тронуть ставню или ручку двери — какъ начинается трезвонъ на всю дачную мѣстность.

А заборъ, черезъ который прежде «онъ» являлся за ежевечерней порціей «блаженства»...

Заборъ утыканъ колючими загражденіями.

Тутъ не только брюки, но и собственную кожу можно въ мочалу превратить.

Наконецъ, бронированный корсетъ!

Его мужъ собственноручно каждое утро надѣваетъ на жену и запираетъ секретнымъ замкомъ.

Въ данномъ случаѣ супругомъ руководитъ совѣсть не ревность, а только страхъ за жену, страхъ за ея тѣлесную неприкосновенность, которая можетъ быть нарушена шальной пулей.

И на замокъ корсетъ онъ запираетъ исключительно для того, чтобы быть спокойнымъ за жизнь жены въ то время, когда самъ находится въ городѣ.

А когда пріѣдетъ, то тоже замокъ не открываетъ, пока «она» не уляжется спать окончательно, пока...

Словомъ, для жены создается положеніе сверхъчрезвычайной охраны.

Тутъ не согрѣшишь.

Прощай, дачный романъ! Прощай, мечты! Прощай, блаженство.

А вѣчное ожиданіе погромовъ — тоже чего-нибудь стоитъ.

Прежде любительскіе спектакли устраивали.

Теперь — дружины-самообороны!

Прежде на лодкѣ съ «нимъ» вдвоемъ ѣздили и любовные вопросы рѣшали.

Теперь на лодкахъ митинги устраиваютъ и государственные вопросы рѣшаютъ.

Все это очень полезно, но удовольствіе не то.

Прежде дачнаго жениха прикармливали въ томъ случаѣ, если на него возлагали надежды.

Теперь дачному жениху достаточно имѣть браунингъ — и его кормятъ на убой и приглашаютъ даже ночевать.

Дачнымъ женихамъ — лафа, а каково хозяину? я васъ спрашиваю.

У моихъ дочерей вотъ уже по 50 жениховъ — цѣлая боевая дружина.

Изъ чувства самосохраненія, долженъ всѣхъ приютить.

А чего мнѣ это стоитъ?

Нѣтъ, господа, чрезвычайная охрана — удовольствіе дорогое, очень дорогое.

И нашему брату-дачнику совсѣмъ не по карману.

ДАЧНЫЙ АЛЬБОМЪ.

(Разговоры, афоризмы, сценки, наброски).

— Послушай! Дай мнѣ взаймы двугривенный!

— Послушай! Ты меня, кажется, за миллионера принимаешь?

* * *

— Что это, деревня горитъ?

— Никакъ нѣтъ, это мы, ваша милость, ваши амбары жжемъ, чтобы мужикамъ поджигать нечего было.

— Ну, что вы скажете о дебютантѣ?

— Прошлымъ лѣтомъ онъ былъ лучше!

— Но онъ тогда еще не выступалъ!

— Вотъ именно!

* * *

— Новобранымъ послѣ вѣнца слѣдуетъ уѣзжать на берегъ моря.

— Почему и для чего?

— Необходимо приучить себя къ вѣчному шуму.

* * *

Хорошенькая женщина и на смертномъ одрѣ кокетничаетъ... съ докторомъ.

—

Многіе люди живутъ только для того, чтобы умереть богатыми.

—

Прямая дорога — самая лучшая. Жаль только, что она не всегда приводитъ къ цѣли.

—

Даже самая полная гармонія душъ можетъ быть нарушена игрой на рояли.

—

Лучшее средство заставить болтуна умолкнуть — это — не прерывать его болтовни. Болтунъ — сальная свѣча: не снимайте съ нея нагара — она погаснетъ.

—

Женщины вообще охотно исполняютъ только одну заповѣдь, это — десятую, т. е. ту, которая запрещаетъ любить жену своего ближняго.

—

Холостые вступаютъ въ армію потому, что любятъ войну, а женатые потому, что любятъ миръ.

* * *

Ножки твои наблюдая,
Пишу я канцоны такія
Что друг мой трепещетъ, читая
Въ нихъ страсти стремленія злая.

А ручки твои лобызая,
Пишу я такія терцины,
Что старцы поютъ, ихъ читая,
Старухи сгоняютъ морщины.

Но если-бъ, моя дорогая,
Имѣла ты сердце—сонеты
Такіе я бъ пѣлъ, что, внимая
Имъ, встали бъ изъ гроба скелеты.

— Сколько лѣтъ этой дамѣ?
— Отъ 30-ти до 60-ти!

Мужчины дѣлаютъ изъ женщинъ многое, женщины
дѣлаютъ изъ мужчинъ все, что захотятъ.

Многія женщины походятъ на старыя кареты, по-
тому, что вѣчно ломаются и плохо притворяются.

Къ ней вечеромъ прихожу я
Сердца тоску раздѣлить,
Высказать тайныя думы,
Много сомнѣній рѣшить.

Все, что въ душѣ накопѣло,
Ей рассказать, и отъ ней
Силы душевной набраться,
Чувствъ и высокихъ идей.

Жду утѣшенья, и что же!
Вижу—она и сама
Духомъ и сердцемъ разбита
И отъ заботъ безъ ума.

Скорби гражданской больнѣ
Сердце ей тяжело язвить,
То, что у новой кухарки
Слишкомъ большой аппетитъ.

Сорокалѣтняя женщина готова простить тридцати-
лѣтней все, только не разницу въ десяткѣ лѣтъ.

Добродѣтель хорошенькой женщины до тѣхъ поръ
имѣетъ высокую цѣну, пока эта цѣна не выражается
въ деньгахъ.

Я помню мигъ... Предъ нею вслухъ
Читалъ я разъ мои «творенья»,
Она вся превратилась въ слухъ
А я... я—весь во вдохновенъе.

Какъ левъ свирѣпый я рыкалъ
Читая... Комната дрожала
«Ты божество!...» (я тутъ прервалъ)
Ахъ «божество» мое—дремало.

— Что такое адъ?
— Первая на томъ свѣтѣ сторона по плотности
населенія.

Завѣщаніе.

Въ боязни пулю получить
Я завѣщанье составляю...
Вотъ документа смыслъ сего:
«Я не имѣю ничего,
И кредитору моему
Все остальное завѣщаю!»

Дачный типикъ.

Онъ весь подержанъ, лысъ и сѣдъ,
Но остроумень вѣчно
На все имѣетъ онъ отвѣтъ,
Подержанный, конечно.
Его ничто не возмутитъ:
Состришь надъ нимъ—смѣется,
Молчишь—онъ въ ротъ тебѣ глядитъ
Зѣвнешъ—онъ отвернется.

Такъ какъ большинство петербургскихъ дачниковъ
со вставными зубами, то они, попавъ въ адъ, не испыты-
ваютъ скрежета зубоваго.

Жена. Я знаю, что ты меня ненавидишь. Лишь
только я умру, ты навѣрное сейчасъ же женишься
на комъ-нибудь, будь это даже чортова дочка.
Мужъ. Не безпокойся, наши законы воспрещаютъ
сочетаться бракомъ съ сестрой бывшей жены.

Делоржъ и Кунигунда. (Лѣтняя фантазія).

Делоржъ Кунигунду младую любилъ,
Ей денно и ночью молился,
Перчатку ея онъ на шлемъ нацѣпилъ
И въ немъ съ сарацинами бился.
Весь свѣтъ въ Кунигундѣ онъ видѣлъ одной,
За выпивкой ею хвалился, златой
Бокаль въ честь ея осушался.
— Какъ ангелъ прелестна красotka твоя!—
Такъ съ нимъ соглашались невольныя друзья,
Ревниво очами сверкая.

Чудесныя синія ночи вдвоемъ
Подъ липой они проводили,
Роса фиміамомъ дымилась кругомъ,
Цвѣты фиміамомъ кадили;
И звѣзды блистали, и мѣсяцъ сверкалъ,
Делоржъ Кунигунду младую ласкалъ
Его Кунигунда ласкала
Объятій ихъ жгучихъ, порывистыхъ пылъ
Настолько могучъ и разителенъ былъ
Что даже скамейка трещала.

Промчались зимнія вьюги, и май
Промчался, іюль наступаетъ,
Зоветъ насъ въ душистый невѣдомый край
И нѣгу любви общаетъ,
Но гдѣ жъ Кунигунда съ Делоржемъ своимъ?
Теперь то и время амуриться имъ.
Но оба; увы, за рѣшеткой:
Она въ Предваримъ томится 100 дней,
Въ Крестахъ онъ сидитъ черной тучи мрачнѣй,
Горюя въ разлукѣ съ красоткой.

Я. и Н°.

ТЕЛЕГРАММЫ.

(Въ настоящихъ телеграммахъ нѣтъ ни одного слова
нашихъ корресп., ибо они только цитировали извест-
нейшихъ русскихъ поэтовъ, выбирая изъ стихотвореній
строки подходящія къ характеристикѣ данного момента).

I-ая.

«Въ колоколь мирно дремавший, съ налета тяжелая
бомба
Грянула. Съ трескомъ кругомъ отъ нея разлетѣлись
осколки».

(А. К. Толстой).

II-ая.

«Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой».

(Дермонтовъ).

III-ья.

«Разбой, грабежъ! Я не нашелъ
На мѣстѣ ничего—все сбито:
Какъ будто ливень здѣсь прошелъ
Неудержимо и сердито

О, какъ ты нагло оскорбленъ
Мой мирный трудъ...»

(Надсонъ).

IV-ая.

«Вижу, кто-то скачетъ
На лихомъ конѣ...
Другъ мой, другъ далекій,
Вспомни обо мнѣ».

(Дермонтовъ).

V-ая.

«Вырыта заступомъ яма глубокая».

(Никитинъ).

VI-ая.

«Не дожидаться мнѣ, видно, свободы,
А тюремные дни будто годы;
И окно высоко надъ землей,
А у двери стоитъ часовая».

(Дермонтовъ).

VII-ая.

«И онъ *) мнѣ грудь разсѣкъ мечомъ
И сердце трепетное вынулъ,
И уголь, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ».

(Пушкинъ).

VIII-ая.

«И съ трудомъ, отъ слова къ слову
Пальчикомъ вода,
По печатному читаетъ
Мужичкамъ дитя».

(Майковъ).

IX-ая.

«...Съ свинцомъ въ груди лежалъ недвижимъ я,
Глубокая еще дымилась рана;
По каплѣ кровь сочилась моя».

(Дермонтовъ).

X-ая.

Вижу я своды, окно за рѣшеткою,
Койку въ сырой полутъмѣ.

(Полонскій).

Агентство Цитры.

*) Должно быть, черносотенецъ.

Забастовали эти негодимыя чужки, и теперь благотворному дворянину приходится, чортъ знаетъ, чѣмъ заниматься.

Въ Петропавловскъ.

Въ крѣпости уже 24-ю недѣлю сидитъ д-ръ Дубровинъ, приговоренный за черносотенную дѣятельность къ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ.

Красные флаги.

Вчера редакция «Московскихъ Вѣдомостей» украсилась красными флагами.

Новый предсдатель.

Гр. Витте избранъ предсѣдателемъ общества трезвости и почетнымъ попечителемъ пріюта кающихся Магдалинъ.

Избиеніе.

Маленькій гимназистикъ П. вчера звѣрски избилъ пятерыхъ городскихъ.

Волненія

совершенно прекратились.

Кронштадтскій

началь питаться акридами и дикимъ медомъ.

Свергъ-репортеръ Апельсинъ.

НАШИ МЛАДЕНЦЫ.

(Изъ наблюдений).

Духъ протеста, духъ критики не только всасывается нашими младенцами съ молокомъ матери!

Нѣтъ! Еще задолго до рожденія они начинаютъ протестовать и критически относиться къ окружающему.

При появленіи же на свѣтъ—протесты крѣпнуть. Да и какъ не протестовать?

Посудите сами!

Ребенка мнутъ, тискаютъ, давятъ, лишаютъ свободы.

Возьмемъ, на примѣръ, обливаніе водой.

Когда у моихъ знакомыхъ младенца первый разъ обливали водой—онъ кричалъ!

— Папа, заступись! Меня, кажется, принимаютъ за сумасшедшаго... Это вотъ тебя, папа, надо было бы окатить вчера, когда ты вернулся изъ «Буффа».

Когда мать цѣловала его, онъ протестовалъ:

— У тебя губы пахнутъ зубнымъ порошкомъ и помадой:

А когда его цѣловалъ отецъ, онъ возмущался:

— Какой плохой коньякъ ты пьешь, папа! И какой скверный табакъ куришь.

У моихъ знакомыхъ дѣтей принято пеленать...

Младенецъ, съ которымъ начали продѣлывать эту операцию, возмутился:

— Мама! Няня! И вамъ не стыдно? Что за отсталости! Нынче пеленаютъ дѣтей только въ некультурномъ обществѣ. Это возмутительно! Что вы городовые, что ли? Связывать человѣка по рукамъ и по ногамъ. Это насилие. Вотъ гдѣ ваша хваленая неприкосновенность личности!

Ребенку давали грудь—онъ былъ недоволенъ.

— Чтѣ съ тобой, Петенька? спрашивала мать.

— Да это чортъ знаетъ что такое, только не молоко! Развѣ можно сосать такую гадость! Въ лавкѣ охтенское молоко лучше. Отъ твоего у меня животикъ болитъ. Папа, дай мнѣ рюмку коньяку, только французскаго, пожалуйста.

Мать пробовала объяснить младенцу, что молоко у ней портится изъ-за постоянныхъ волненій.

— Но я-то чѣмъ виновать? кричалъ младенецъ. Я конечно понимаю, что, живя въ такое конституціонное время, ты волнуешься—но я не виноватъ! Я согласенъ пожертвовать жизнью для пользы освободительному движенію, но пожертвовать безъ пользы собственнымъ желудкомъ—это, ахъ, оставьте!

Приходилось соглашаться съ младенцемъ.

И такихъ младенцевъ нынче множество.

Съ одной стороны, это очень пріятно видѣть грудного ребенка уже сознательнымъ.

Съ другой стороны, становится страшно передъ дѣтьми.

Какіе-то домашніе протестанты-обличители.

У меня, на примѣръ, недавно былъ такой случай.

Прихожу въ дѣтскую; трехмѣсячная дочка Марсельеза что-то лѣпитъ изъ булки (ухитрилась гдѣ-то достать).

— Что ты дѣлаешь? спрашиваю.

— Бом... бом... бом... бом...

Вотъ тутъ и разберите: конфету или бомбу.

А вѣдь узнаетъ дворникъ—бѣда.

Теперь дворникамъ губернаторскія права предоставлены.

Донесетъ. Явятся «жаны»—и поминай какъ звали мою крошку Марсельезу—въ Туруханскій край какъ пить дать.

Да, нынче, положительно опасно имѣть дѣтей. Цитра

Онъ. Почему же я такъ упалъ въ твоихъ глазахъ?
Она. Потому что река упала! Утебя же все состояніе въ рентѣ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Среди массы брошюръ послѣдняго времени вышло въ свѣтъ не мало беллетристическихъ произведеній и даже драматическихъ.

Мнѣ недавно случайно попалась пьеска С. А. Анскаго: «На конспиративной квартирѣ». Пьеска прелюбопытная. Особенно хороша въ ней сценка, гдѣ на конспиративную квартиру являются два агента: Глазковъ—агентъ жандармскаго управленія, и Оедюшинъ—агентъ охраны. Оба мечтаютъ первыми накрыть «политическихъ преступниковъ», не зная что въ сосѣдней комнатѣ сидитъ квартальный Колывановъ.

Привожу выдержки.

Глазковъ (входитъ). Что же теперь, примѣрно, съѣсть надо и ждать, не придетъ ли кто изъ ихнихъ (раскалываетъ по комнату). А вотъ и книги! «Ка-пи-талъ» Карла Маркса. «Со-ці-аль-ная эти-ка». Те-те-те! Не совѣмъ ладно (углубляется въ разсматриваніе книгъ. Входитъ на цыпочкахъ Оедюшинъ).

Оедюшинъ. Ахъ, царица небесная, грѣхъ то какой! Какъ опоздалъ; сказано было мнѣ сейчасъ сюда пойтить, а я когда пришелъ (улыбается). А все Машка проклятая, чтобъ ей бѣсъ! Узнаетъ приставъ, всю морду искровянитъ! Ну, авось либо обойдется! (Заммчаеъ Глазкова). А-а! Птица одна уже залетѣла, сидитъ. Ладно! Надо камедь разыграть: приставиться, что тоже изъ ихнихъ и разговоръ имѣть, пріятную бесѣду (кашляетъ).

Глазковъ (быстро оборачивается. Про себя). Есть! Одного Богъ послалъ! Надо его оборудовать!

Колывановъ—квартальный (высовываетъ голову изъ дверей). Пара! Послушаемъ, о чемъ они поговорятъ. Только бы, черти, всю водку не вылакали.

Оедюшинъ. Добрый вечеръ, господинъ!

Глазковъ. Добрый вечеръ; заходите, пожалуйста... Вы къ товарищу Талину *) приходили? Ихъ дома нѣтъ, скоро придутъ. Присядьте пока. Я здѣсь за хозяина.

Оедюшинъ. Покорно благодарствую. А вы пріятель господина Талина будете, не такъ ли?

Глазковъ. Еще бы! Не въ первый разъ съ господиномъ Талинымъ дѣла обдѣлываемъ. А вы?

Оедюшинъ. Самый ближайшій другъ и соумышленникъ его!

Глазковъ (полумрачно). Вы, значитъ, изъ нашихъ будете?

Оедюшинъ. Самый что ни на есть! (Подмигиваетъ).

Глазковъ. А насчетъ собранія какъ, будетъ сегодня ночью? Извѣстно вамъ?

Оедюшинъ. Какъ же-съ! За тѣмъ и пришелъ. Много придетъ народу?

Глазковъ. Народу будетъ много. Человѣкъ 10. Ай больше?

Оедюшинъ. Считайте что больше. Однихъ студентовъ сколько придетъ. А вы, должно, ихъ всѣхъ знаете?

Глазковъ. Ну, мнѣ-то не знать! (Заммчаеъ водку). Гм... а мы тутъ и водочки немного припасли... для храбрости. Потребляете?

Оедюшинъ. Да такъ, рази маленькую, для компаніи.

Глазковъ. За ваше здоровье. Выпейте.

Оедюшинъ (налив.). Выпейте еще. Водка хорошая. Вреда отъ нее не будетъ.

Глазковъ (налив.). Да и вы ужъ выпейте еще. Товарищи, вѣрно, еще принесутъ.

Оедюшинъ (пьетъ и налив.). Будемъ нонче печатать-то?

Глазковъ (пьетъ и налив.). Безпримѣнно.

Оедюшинъ. А извѣстно вамъ, гдѣ все лежитъ?

Глазковъ. Не сумлевайтесь. Тутъ (показ. на шкафъ).

Да еще тамъ.

*) Талинъ—литераторъ-революціонеръ, за которымъ охотятся агенты.

Оедюшинъ. Т-экъ-съ! (пьетъ и налив.). Пожалуйте ужъ еще разокъ.

Глазковъ. Благодарствуйте. А теперь надо смотрѣть да смотрѣть. Сколько теперь этихъ фискаловъ ходитъ, страсть!

Оедюшинъ (смущается). И-и не говорите. Проходу нѣтъ. Да гдѣ же дуракамъ разнохать что!

Глазковъ. Народъ необразованный, мужики косолапые!

Оедюшинъ. Самый негодяій народъ.

Глазковъ. А чтеніе любите?

Оедюшинъ. Страсть люблю чтеніе! Одно дѣлаю—читаю, и все запрещенное.

Глазковъ. Похвально. А читали вы книгу Маркса Карлова «Капиталъ»?

Оедюшинъ. Четыре раза прочиталъ—и еще читаю, Первостатейный романъ. Антирестъ такой, отдай все. да и мало. А какъ онъ тамъ полицію чиститъ—ай-ай-ай!

Глазковъ. Хотъ бы мнѣ этого Маркса глазкомъ повидать! А вѣдь онъ, того... Совѣмъ изъ нашихъ?

Оедюшинъ. Само собой!

Глазковъ. А здѣсь онъ? Не слышали?

Оедюшинъ. Здѣсь. Придетъ. Безъ сумленія будетъ?

Глазковъ. Удивительно вотъ, что насчетъ бонбъ

ничего не слышать. Вы, можетъ, что слышали?

Оедюшинъ (таинственно). И-и, есть! Такое будетъ...

Вы развѣ ничего не знаете?

Глазковъ. Да такъ, немножко... Вотъ хотъ бы нашего то опять пристукнули, какъ тогда того? а?

Оедюшинъ. Самое разлюбое дѣло. Динамитомъ-бы...

Выскакиваетъ квартальный Колывановъ съ револьверомъ.

Колывановъ. А! Попались, голубчики! Стой! Чуть кто тронется съ мѣста—застрѣлю какъ собакъ.

Оедюшинъ и Глазковъ. Царица небесная!

Колывановъ. А-ахъ вы, крамольники, злоумышленники.

Глазковъ (полумрачно). Ваше высокородіе! Я—агентъ.

Оедюшинъ. Игнатъ Максимовичъ! Я вѣдь—агентъ-съ!

Колывановъ (даеъ свистокъ. Вблгаютъ 4 городскихъ)

Берите ихъ!

Глазковъ. Ваше высокородіе! Я агенты! Я агенты жандармскаго управленія. У меня билетъ есть!

Оедюшинъ. Игнатъ Максимовичъ, Я агентъ охраны. Только что поступилъ. Вы меня еще не знаете.

Глазковъ. А? Каковъ? Врешь, стерва проклятая, ты сицилистъ! Самъ ты мнѣ признался.

Оедюшинъ. Это ты социлистъ, бестыжіе глаза твои, а не я... Я вѣрой, правдой!

Колывановъ. Ладно, ладно, не одурачите! Знаю, какіе вы агенты. Слышалъ разговоры... Взять ихъ.

Приведенная сценка должна имѣть громадный успѣхъ на подмосткахъ. Къ сожалѣнію, наша дышащая на ладанъ драматическая цензура не пропускаетъ даже такихъ невинныхъ «историческихъ» пьесокъ.

Положимъ, что онѣ имѣютъ значеніе и теперь, несмотря на квартальныхъ и проч. устарѣвшихъ персонажей. Брошюрка С. А. Анскаго стоитъ всего 10 к.

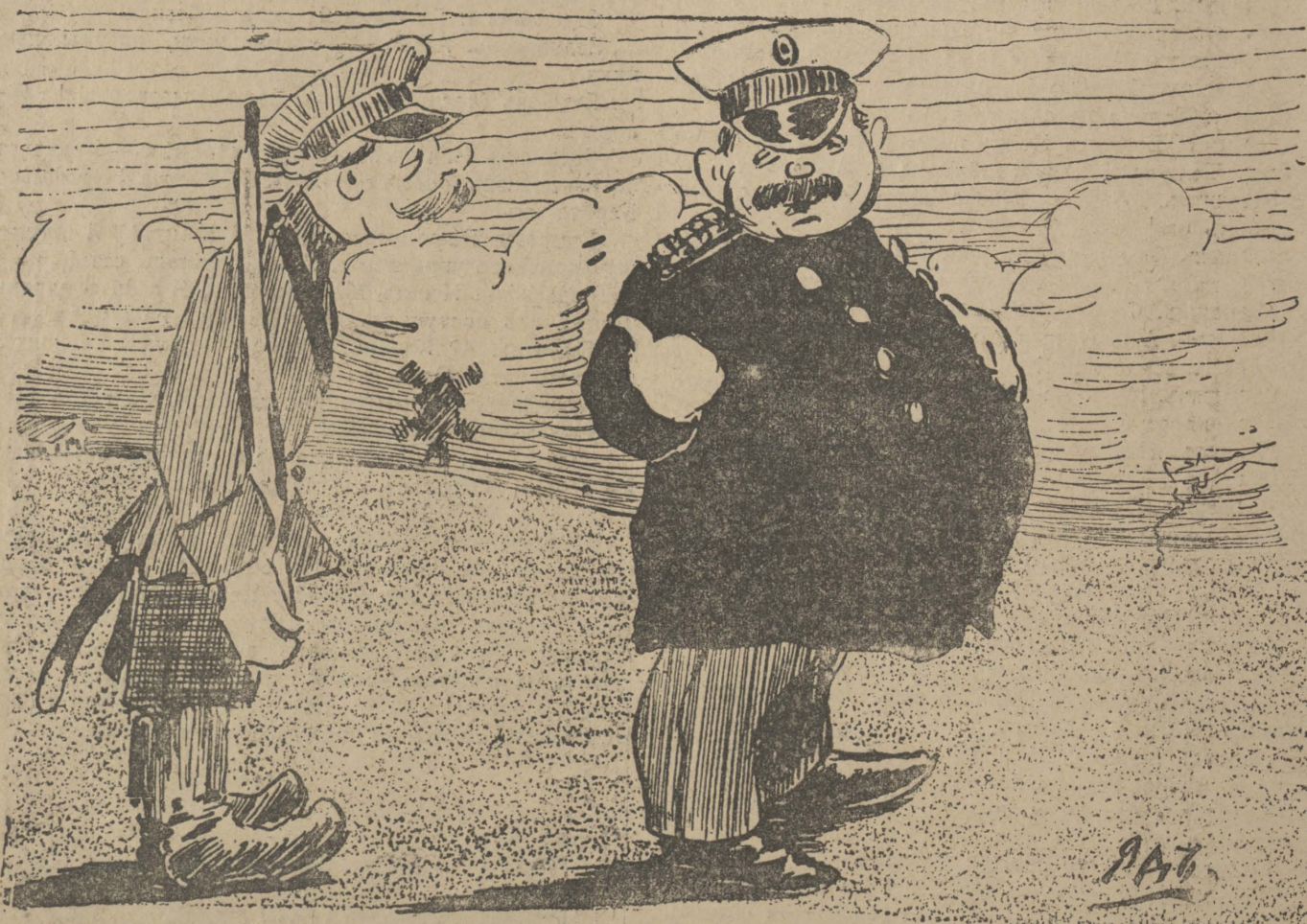
Пожелаемъ ей самого широкаго распространенія.

Апельсинъ.

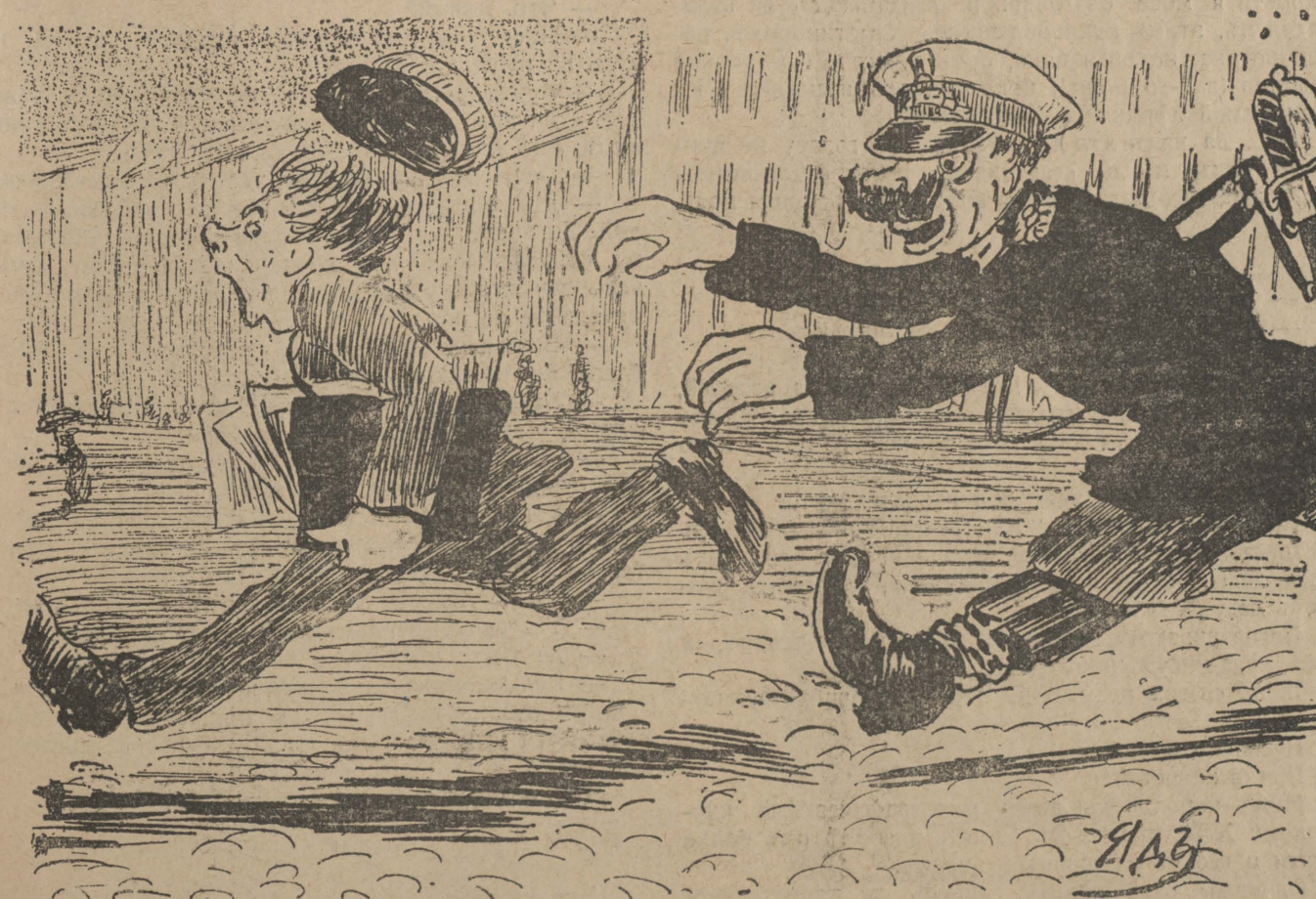
Городовой из резерва. Вот говорят, что бошба, что апельсинъ все равно, а юнъ этотъ самый апельсинъ жетъ, — задержать или не задержать?

Становой. Вотъ теперь я тебѣ объяснилъ твои обязанности стражника, скажи, что ты понялъ?
Стражничекъ. Такъ точно понялъ, вашебродъ, ежели значить бошба одного человека въ кучу соберется, по мордѣ лупить, а ежели, которое плохо ложить, то къ намъ тащить.

Охрана подъ охраной.

Новый спортъ на амбула цевзоровъ.

НАХОДЧИВЫЙ МУЖЪ.

(Посвящается многим).

...Онъ въ отчаяніи рветъ на себѣ волосы, дико смотритъ въ одну точку и снова хватается за голову...

— Да, нѣтъ никакого сомнѣнія... нѣтъ ни малѣйшаго, хотя бы и хотѣлось... Вотъ, вотъ оно проклятое доказательство: письмо отъ него къ ней!

Что дѣлать?.. Боже, Боже!..

Однако, подумаемъ!.. За чѣмъ такъ сразу терять голову? Быть можетъ...

Но нѣтъ!.. Въ судъ жаловаться? Просить развода? Но вѣдь спросятъ... потребуютъ... что я скажу?.. Судъ затянется, пойдутъ формальности; то да се; пятое-десятое... Приглашай адвоката... Нѣтъ, не годится!.. Я же въ дуракахъ останусь!..

Вотъ развѣ вызвать?.. Хм!.. Вызвать!.. Вызвать—значитъ, драться!.. Не трудно представить себѣ картину: отправляюсь я къ нему... именно я, а не секунданты... потому секунданты кто-же? Друзья!.. А друзья, что женщины—живо разблагорѣшатъ! Пока что еще, а ужъ глядь—и сидишь!.. А ранять? Я ужъ не говорю—убьютъ!.. Положимъ, даже легко ранять... Весело это?.. Да и держалъ ли я пистолетъ-то когда въ рукахъ?.. Нѣтъ, положительно, въ подобныхъ, исключительныхъ случаяхъ, необходимо было-бы предоставить право однимъ оскорбленнымъ мужьямъ имѣть заряженные пистолеты... Тогда бы еще—куда не шло!..

Но что-же дѣлать?.. Кротостью развѣ подѣйствовать? Испробовать силу увѣщанія, убѣжденій?.. Да, убѣдишь тутъ женщину!.. На словахъ-то она тебѣ все обѣщаетъ, а чуть повѣрилъ... Не даромъ говорятъ, что стоитъ только женщинѣ запретить что-нибудь, чтобы этимъ самымъ вселить въ нее бѣса желанія!.. Запрети я моей благовѣрной свиданія съ ея вздыхателемъ, этимъ куклообразнымъ Хлыстиковымъ, навѣрное она, которая пока, быть можетъ, еще только невинно (дай-то Боже!) кокетничаетъ, восплачетъ къ нему самой африканской страстью!..

Ба!.. Да какъ это мнѣ раньше въ голову не пришло? Вотъ мысль счастливая, такъ счастливая!.. Сейчас же къ дѣлу; кстати вотъ, и благовѣрная моя!..

* * *

— Здравствуй, дружокъ, ты пишешь?..

— Такъ, нѣсколько словъ Хлыстикову.

— Хлыстикову!?

— Прошу его обѣдать. Прелестный юноша, веселый, милый... Пеню ему, что рѣдко заглядываетъ... Нужно бы устроить, чтобы хоть разъ въ недѣлю онъ у насъ обѣдалъ.

— Что-жъ, если тебѣ это нравится...

Посланіе отправлено. Хлыстиковъ внѣ себя отъ восторга. Трехъ дней еще не прошло, а онъ ужъ какъ свой у супруговъ: завтракаетъ, обѣдаетъ, читаетъ вслухъ газеты...

Поговариваютъ собраться вмѣстѣ въ театръ, а тамъ куда-нибудь поужинать...

Жена слегка волнуется. Что за дружба—думается ей.

Несносно и—опасно!..

Пытка начинается.

Мужъ наполняетъ домъ фотографическими карточками Хлыстикова. Въ одномъ альбомѣ ихъ болѣе десяти и все въ различныхъ позахъ.

Однажды, рано утромъ, супругъ съ таинственно-довольнымъ видомъ входитъ къ женѣ; въ рукахъ у него что-то большое, тщательно завернутое въ холстъ.

— Отгадай, милка, чѣмъ я тебя пораду?.. Что я тебѣ принесъ?..

— Что-нибудь новое?

— Да, и ужъ навѣрное доставитъ тебѣ величайшее удовольствие!..

— Покажи, покажи скорѣй!..

— Нѣтъ, отгадай.

— Голубчикъ, не мучь меня; ты знаешь, какъ женщины любопытны!..

— Неужели не догадываешься?..

— Да нѣтъ же!..

— Ну, такъ, смотри!

Холстъ разворачивается, и передъ глазами измученной супруги—блестящій, новенькій, ярко написанный масляными красками портретъ Хлыстикова!..

— Какъ, еще!.. только и могла выговорить несчастная.

— Да у насъ вѣдь все фотографіи, а мнѣ хотѣлось непременно имѣть и масляными красками!

— И это онъ самъ заказывалъ?

— Какъ можно—онъ ничего не знаетъ; это я заказалъ написать съ карточки, знаешь, съ той, которую ты любишь.

— И ты его повѣсишь?..

— А у насъ въ спальнѣ. По крайней мѣрѣ, утромъ просыпаясь, вечеромъ ложаешься, да и ночью иногда не спишь—вотъ мы всегда и можемъ любоваться нашимъ дорогимъ другомъ.

— Однако, послушай, ты, наконецъ, становишься невыносимымъ со своимъ Хлыстиковымъ!

«Ничего, ничего», мысленно радуется мужъ... Средство, повидимому, начинаетъ дѣйствовать. Слѣдуетъ только не останавливаться на полдорогѣ.

* * *

— Дружокъ!

— Что, милый?

— Представь, мнѣ кажется, придется подать въ судъ на нашего арендатора...

— Неужели? Кому же ты поручишь вести дѣло?

— Да надо будетъ посоветоваться съ Хлыстиковымъ: онъ должно быть хорошій юристъ!..

— Опять Хлыстиковъ! По твоему, онъ всевѣдущъ!

— Дѣйствительно—замѣчательно способный малый. Да вотъ, кстати: не теряя времени, съѣзди-ка ты, сдѣлай одолженіе, сейчасъ же къ нему, свежи вотъ эту выписку изъ дѣла, да попроси его повнимательнѣе ее прочесть.

— Вотъ еще! Не можешь подождать до обѣда, благо, онъ и сегодня у насъ обѣдаетъ.

— Нельзя, дружокъ, надо дать ему время обдумать; пожалуйста, съѣзди.

— Господи, да куда же я поѣду такую рань: вѣдь еще одиннадцать часовъ нѣтъ!..

— Какая же рань? Не такъ давно еще ты аккуратно три раза въ недѣлю ѣздила по утрамъ... ванны теплыя братъ, кажется?

— Да, но тогда мнѣ казалось это... необходимымъ!

— Теперь тоже необходимо. Дѣло спѣшное!..

— Да ты-то самъ не можешь развѣ поѣхать?

— Нельзя, милочка; я жду; ко мнѣ тутъ придутъ!..

Изподтишка наблюдая, съ какой досадой жена собирается исполнить его просьбу, супругъ мысленно ликуетъ!..

Вотъ и поди съ ними, радуется онъ.

* * *

Какъ-то разъ, вернувшись со службы домой, супругъ оказался одѣтымъ точь въ точь какъ Хлыстиковъ; да не только одѣтымъ—прическа, проборъ, усы, борода—все, все было à la Хлыстиковъ.

НОЖКИ.

Съ томной граціей лежала Крошка стройная въ качалкѣ... Я глядѣлъ и любовался— Но не профилемъ весталки, Не волшебнымъ блескомъ глазокъ, Не румянцемъ щечекъ нѣжныхъ И не чудною эмалью Зубокъ ровныхъ, бѣлоснѣжныхъ... Ахъ, всѣхъ прелестей сихъ сумма, Къ сожалѣнію, выражала— Какъ сказалъ великій Пушкинъ— „Ничего, иль очень мало!“... Но мелькали граціозно Изъ-подъ платья милой крошки Въ тонкихъ, бѣленькихъ чулочкахъ— Дивно-крохотныя ножки... Въ нихъ—былъ умъ, была идея, Бездна чувства, краснорѣчья— И, клянуся, ножекъ чудныхъ Въ совершенствѣ понялъ рѣчь я!.. Въ рѣчи той стыдиво-страстной Было, впрочемъ, словъ немного: Объ одномъ молили ножки: „Мужа, мужа, ради Бога!“... Ахъ, съ тѣхъ поръ нерѣдко сняты Мнѣ въ тиши влюбленной ножки Эти крохотныя ножки, Эти дивныя чулочки!..

Онъ. И что же вы счастливы въ бракѣ? Она. О, да! Мнѣ такъ хорошо живется, такъ хорошо... какъ будто я и не женатъ совсѣмъ.

— А мы вчера выывали духовъ! — И кто же явился? — Озолоточный. Просидѣть разойтись!

ПЕРВОРОДНЫЙ ГРѢХЪ.

(Разсказъ мастерового).

Сцена-монологъ.

Адамъ эта проснулся—глазѣмъ не вѣрить... Неужто баба? И впрямь быто баба и раздѣмшился... Ну, конечно, разговоръ...

— Ты, красавица, отклева?

— Изъ твою ябры!

— Врешь!

— Вотъ провалиться—правда!

— Я те ребромъ вопросъ ставлю, а ты конституцію разводишь!... Одно слово мистификація...

— Ей-Богу! Какъ въ аптекъ вѣрно!

— А ну-ка пересчитай мнѣ ребра!...

(Ева пересчитала).

— Здорово! Ну и дѣвка! Одно слово—пулеметъ! Какъ звать-то?

— Ева!

— Эво! Да ты толкомъ говори... Нагайка лупо-глазья!...

— Не эво, а Ева, лѣшій!...

— Такъ-съ... Ну, а я Адамъ...

— Я те сама сдачи дамъ...

— Адамъ, красавица, а насчетъ сдачи повремените, потому здѣсь драться воспрещено... Рай-съ! И насчетъ яблокъ—не моги... Строжайшій отъ начальства приказъ! не трогать!.. Да и то—нагишомъ ходить выгоднѣе, а какъ пожрешь яблока—придется одежду заводить, потому стыдно...

— А ты пѣсни играть умѣешь?

— Здѣсь нельзя: сказано не нарушать опчественнаго спокойствія!..

— Вотъ те и рай—ничего нельзя!.. Скушно!..

— Пообвыкнешь! Со звѣремъ побалуешься... Вотъ тебѣ левъ, а вотъ тебѣ тигра—что твои собаки, изъ рукъ лакаютъ...

— Да што я скотница, что ли? Я дѣвица благородная... А ты пролетарій!

— Ну, полегче, еще не поженились...

— Развлекать меня должонъ, а не на брюхѣ лежать...

— Пошла къ дьяволу! (Ева пошла къ дьяволу).

Ну съ дьяволомъ разговоръ по другому—дьяволъ-то изъ образованныхъ былъ и всякое слово запустить ему плевое дѣло, потому ниверситетскій!..

— Мамзель Ева... Бунжуръ съ демонстраціей... Могу-съ яблочкомъ попотчевать!.. Первый сортъ—губернаторскіе!.. Что апельсины!..

— Не употребляю... Циркуляръ такой есть: «яблочковъ не жрать!»

— Напрасно-съ!.. Это на манеръ политической голодовки выходить... Дѣвица можно сказать, въ самомъ соку—и недовѣріе... Разрѣшите угостить... Вотъ яблочко специально министерское!..

— Боюсь, Адамъ заругаетъ, да и отъ начальства приговоръ выйдетъ... Конфликта опасуюсь!..

— Не сумлѣвайтесь! Адаму бойкотъ пропишите... А начальство амнистію дасть!

— А какъ повѣсятъ? Тутъ, кажись, по основнымъ законамъ дѣйствуютъ!

— Нѣтъ, здѣсь до смертной казни еще не додумались! Скушайте! Никто не узнаетъ! Ни одного жандарма! Свобода-съ!

— Всѣ вы обманщики! Свобода, свобода, а потомъ «патроновъ не жалѣть!»

— Зачѣмъ такую аллегорію наводить? Обижаєте-съ... Позвольте уединиться подъ душистую вѣтку сирени... Тамъ я вамъ на гармошкѣ изображу и вобще всякое удовольствіе представлю...

— Уговорили!.. Только не разбалтывать!

— Какъ могила-съ буду! (Удаляются въ чащу)

Адамъ проспался и Еву искать пошелъ... Нигдѣ не видать.

— Ева! Ау!.. Ева! Ужинать пора!..

Вдругъ голосъ слышитъ:

— Сейчасъ!.. Погоди маленько... Дѣло есть...

— Каки-таки дѣла? Здѣсь дѣла запрещены. Сказано—живи на всемъ готовомъ...

Тутъ Ева изъ кустовъ вышла.

— Чаво глотку дерешь?.. На яблоко—подависы!

(Адамъ откусилъ).

— Ишь, безстыдница! Раздѣмшился!

— Самъ ты охальникъ! Пролетарій безпорочный!..

— Ты не выражайся, а то и по шеямъ можно! Здѣсь хоть и неприкосновенность личности, а по шеямъ дозволено. Гдѣ была?

Тутъ и дьяволъ выскочилъ:

— Не извольте беспокоиться, товарищъ Адамъ! Ваша гражданская супруга со мной на митингъ прохладчалась!..

— А ты самъ кто будешь?

— Садовникъ здѣшній, анархистъ!..

Ева прибавила:

— Оченно обходительный; съ нимъ даже совсѣмъ приятно!..

Неизвестно откуда голосъ раздался:

«Очистить рай въ 24 часа!»

Адамъ и говоритъ:

— Гонять! Какъ бы высылаютъ изъ предѣловъ досягаемости!

Ева согласилась:

— Гонять такъ и пойдемъ! И душку дьявола захватимъ!

Дьяволъ обрадовался:

— Весьма польщенъ! Во всемъ Адаму помогать буду! Онъ какъ бы редакторъ, а я сотрудникъ! Та-перича вы мужъ да жена—одна сатана, а я—вторая-съ!

Сѣли тутъ всѣ трое на лесопеды и поѣхали! Цитъа.

Она. Что вы наивные счастливые любовники?

Онъ. Тъ, которая оканчивается разрывомъ.

Онъ. А мы, женщины, наоборотъ—ту, которая оканчивается союзомъ

ВЪ СКВЕРѢ.

— Неужели вамъ, Марья Петровна, доставляетъ какое-нибудь удовольствіе прогулка по скверу?

— Да я хожу не для удовольствія, а по дѣлу: няньку высматриваю... Приглядываюсь, которая лучше съ дѣтьми обращается... Какъ найду такую, такъ и переманю къ себѣ... Только, къ несчастью, сколько ни ищу, ни одной порядочной найти не могу...

— Ну, досталь кресло на представленіе.

— Да што, баринъ, мнѣ давали какой-то билетъ, а кресла-то не дали—ну, я и деньги назадъ принесъ.

Женатый баринъ, имѣющій интрижку, даетъ горничной секретную записку.

— Смотри-же, Аннушка, никому ни слова!—говорить онъ.

— Будьте спокойны, баринъ, я въ этихъ дѣлахъ очень даже скромна! Хоть у барыни спросите!

Баринъ.—Ты опять налился! Я вѣдь тебѣ говорилъ, чтобы ты мимо кабака и ходить не смѣлъ?

Лакей.—Я и не смѣ-лъ... да вы се... сегодня сами меня изволили по... посылать за водкой-съ. Нешто я смѣю послушаться!

— Анисья, ты опять что-то разбила?! Ахъ! да вѣдь это старая севрская ваза!..

— Ну, еще слава Богу, что старая!.. А я такъ перепугалась и нивѣсть думала, что дорогое, да новое!..

— Матрена, сколько стоитъ фунтъ гофядины?

— Не знаю, барыня.

— Какъ не знать? Вѣдь ты же каждый день покупайтъ гофядина?

— Я плачу за четыре фунта 80 коп.

— Иванъ, вѣдь я велѣлъ тебѣ пересылать письма ко мнѣ въ деревню!

— Да въ нихъ ничего особеннаго, сударь, и не было.

— Ты какъ это безъ сюртука смѣешь ко мнѣ входить?

— Да вотъ вчерась Настасья вошла къ барину совсѣмъ, значитъ, налегкѣ, почитай что безъ платья, такъ Платонъ Николаичъ не то чтобы осерчали, да совсѣмъ, значитъ, напротивъ; а на васъ, барыня, не угодишь!..

— Катерина! Опять ничего не дѣлаешь! Даже кухню не вымела, хоть я и велѣла...

— Да я, барыня, не знала, гдѣ у васъ половая щетка.

— Такъ спросила бы!

— Боялась спросить-то, чтобъ вы не показали мнѣ, гдѣ она!

Барыня. Что это, Марья, какія у тебя всегда грязныя руки!

Кухарка. Ахъ, барыня, это ужъ у меня такая глупая привычка все руками за лицо хвататься!.. А то онѣ чистыя были, яй-Богу.

— Что это ты, милочка, отошла отъ мѣста-то?

— Да барыня у меня кума отбила: изъ писарей онѣ! Какъ же мнѣ было жить-то? Этакъ-то я и остальныхъ четырехъ могла лишиться!..

ГОСПОДА.

Иллюстрація къ вопросу о прислугѣ *).

— Такъ вотъ твои обязанности!—говорила хорошенькая Капитолина Орестовна своему мужу, Филофею Урвановичу Задрыгайлову... Во-первыхъ, каждое утро вычистить свои сапоги и мои полусапожки. Въ дождливую погоду почистить и калоши. Во-вторыхъ, поставить самоваръ, въ-третьихъ, сбѣгать въ лавочку за сухарями...

— Нѣтъ, въ лавку ужъ ты сама сбѣгаешь!.. Не извольте разсуждать!.. Что, бишь, въ четвертыхъ!.. Вотъ и сбиль меня съ толку... Чтожъ такое еще? Ахъ, да! въ-четвертыхъ, потрудитесь почистить платье и постлатъ постель...

— Ну, этого-то я не умѣю...

— Ничего, научу!.. Каждое утро мокрой тряпкой пыль съ мебели стереть.

— Да позволъ, когда же я на службу успѣю? Вѣдь этакъ...

— Что этакъ? Нечего тутъ «этакать», коли безъ прислуги рѣшился обойтись!

— Ты же сама затѣяла. Говоришь, чѣмъ грубости отъ прислуги сносить, лучше самой все дѣлать. Ну, и я согласился. Что же, это хорошо!.. Очень радъ! Работать не стыдно... То же и Левъ Толстой говорилъ...

— А тебя бы хотѣлось все на меня взвалить?! Нѣтъ, ужъ извини! Необходимо распределение труда. А ты, кажется, на попятный?

Онъ. Такъ ты пожалуйста не безпокойся, если меня, по ошибкѣ, гдѣ-нибудь конфискуютъ.

Она. О напротивъ! Тебѣ даже полезно «посидѣть», по крайней мѣрѣ поухѣнешь.

*) Отъ редакціи. Вопросъ о прислугѣ «назрѣлъ»,—это несомнѣнно. Всѣ нынѣшніе «господа» отъ него въ отчаяніи. Предлагаемый разсказецъ не претендуетъ рѣшить этотъ вопросъ пѣликомъ, но все-таки показываетъ «что было бы», если бы нынѣшніе господа вдругъ затѣяли обойтись безъ «прислуги».

ДОБРЫЙ СТАРЫЙ ЮМОРЪ.

Фантастические гротески.

(Китайские юмористические очерки).

(Стихотвор. Л. Пальмина изъ «Искры» 1866 г.).

I.

— Отчего же на попятный? Наоборотъ, я съ удовольствіемъ...

— А если съ удовольствіемъ, то нечего выбирать работу!.. На твоей же обязанности: заправить лампы, подметать комнаты, затоплять печки и плитку...

— Позволь, когда же я на службу?

— Ты опять со своей службой? Я же тебя говорю, что одной мнѣ не справиться! Необходимо распределение труда!— строго заявила Капитолина Орестовна, щеголявшая, повидимому, выраженіемъ «распределение труда».

— А ты что будешь дѣлать?—спросилъ мужъ въ свою очередь.

— Готовить кушанье, накрывать столъ, разливать чай, записывать бѣлье, которое буду отдавать въ стирку, да, наконецъ, мало ли работы въ домѣ!—заклчила она, махнувъ рукой.

— Да, но я все-таки въ лавку за сухарями не буду бѣгать. Дома работать еще куда-суда, а въ лавку ходить, чтобы всѣ пальцами указывали... Никогда!.. Еще сослуживца встрѣтишь, скажетъ: титулярный совѣтникъ—и въ лавонку бѣгаетъ... Нѣтъ, ужъ уволь!

— Скажите, пожалуйста! Ну, что тутъ позорнаго? Зайдешь въ булочную и скажешь: позвольте мнѣ на три копейки сухарей! Или зайдешь въ мелочную и скажешь: два свѣжепросольныхъ огурца!.. Никто даже вниманія не обратитъ. Ты ужъ, пожалуйста, не финти! Безъ распределения труда—я не хочу!

— Тоже, на счетъ плиты... Развѣ я могу бросить службу, чтобы домой приходило, плитку къ обѣду затопливать?

— Ничего, ничего! можно отлучаться на четверть часа. Самъ говорилъ, что ничего не дѣлаешь въ департаментѣ, а только папирасы курите... Ахъ, да! Я и забыла! И посуду мыть на твоей обязанности! Уговоръ дороже денегъ!

Задрыгайловъ поморщился, хотѣлъ что-то опять возразить, но, вспомнивъ о распределеніи труда, со вздохомъ согласился.

Въ тотъ же вечеръ онъ уже пыхѣлъ надъ самоваромъ, который ни за что не хотѣлъ кипѣть. Явившійся за чѣмъ-то дворникъ неодобрительно покачалъ головой.

— Нешто возможно господамъ самовары ставить?—заявилъ онъ:—это совсѣмъ не господское дѣло... Ужъ позвольте мнѣ вамъ услужить, Филофей Урвановичъ!

— Ничего, и такъ обойдется!—отвѣтилъ сконфуженный Задрыгайловъ.

Дворникъ ушелъ, но Филофей Урвановичъ понималъ, что онъ низко упалъ по мнѣнію дворника. И дѣйствительно, когда, спустя нѣкоторое время, онъ проходилъ черезъ ворота, дворникъ фамильярно спросилъ:

— Въ лавочку сходить изволили, Филофей Урванычъ?

— Не твое дѣло!—сердито отрѣзалъ Задрыгайловъ.

— Эхъ, господа, господа!—укоризненно проговорилъ дворникъ.

Задрыгайловъ взбѣсился.

— Ты какъ смѣешь, мужикъ!—закричалъ онъ.

— Да неужто и господами нельзя васъ называть? Извѣстное дѣло—господа! Какіе ни на есть, а господа—оправдывался дворникъ.

— Скотина!—прошипѣлъ Филофей Урвановичъ.

— Это вы напрасно... За эти самыя ваши слова,—началъ дворникъ, но Задрыгайловъ его не слушалъ. Взбѣшенный, онъ влетѣлъ къ себѣ на квартиру и, сердито бросивъ купленную имъ ваксу, крикнулъ женѣ:

— Я вамъ больше не работникъ!.. Прошу взять прислугу!

— А распределение труда? начала жена.

— Къ чорту распределение труда!—Прошу взять прислугу!

— Гдѣ же ее взять!.. Сами поищите, если хотите!

— Изволь, я найду!.. Хотѣ въѣду, а все-таки лучше, чѣмъ безъ нея!.. Самъ поищу!

И дѣйствительно, на другой же день онъ самъ искалъ. Нашелъ онъ, однако, не въѣду, а очень хорошенькую блондинку.

Капитолина Орестовна была, правда, недовольна, но Задрыгайловъ торжествовалъ: новая прислуга оказалась очень вѣжливой и послушной... и дворникъ сталъ опять его считать настоящимъ господиномъ.

— Потому, говорилъ онъ, настоящий господинъ завсегда себѣ кралю заведетъ...

Упоительно лазурно блестя небо надъ Китаемъ, И Китай сіяетъ ярко, весь обросшій свѣжимъ чаемъ, Но не тѣмъ изсохшимъ чаемъ, что со сливками и съ ромомъ. Пьемъ мы въ чашкахъ и стаканахъ, приходя къ своимъ знакомымъ.

Чай растетъ тамъ цѣлымъ лѣсомъ, вѣковыми деревьями, И сверкаетъ живописно ароматными цвѣтами. Солнца лучъ дрожитъ по листьямъ золотистою струей, Дышутъ чайныя деревья ароматомъ и весною. А подъ сѣнью ихъ игривой, съ золочеными шпильми Дремлютъ башни изъ фарфора всѣ съ узорными зубцами. Блещутъ капища и храмы, всѣ изъ золота литые, Блещутъ пурпурныя ткани, ткани дивно дорогія: Тамъ крылатые драконы по вѣтвямъ душистымъ чая Рѣзво скачутъ съ громкимъ свистомъ, канцонетты надъбывая, Тамъ въ волшебныхъ перьяхъ птицы, подражая тону скрипки, Свищутъ арии «Рогнѣды» наизусть и безъ ошибки. Въ нишахъ идола китайцевъ съ предлиннѣйшими носами, Уморительно кривляясь, рѣзво дрыгаютъ ногами, А изъ оконъ чудныхъ башенъ, какъ въ волшебной странной сказкѣ,

Упоительныхъ китаекъ смотрятъ узенькія глазки. На узорчатыхъ балконахъ ихъ игрушечныя ножки, Что обуты грандіозно въ полвершковыя сапожки, Выставляются съ кокетствомъ изъ подъ тканей драгоценныхъ И смущаютъ мандариновъ и отшельниковъ смиренныхъ. Блещетъ весело лучъ солнца въ тканяхъ, въ золотѣ, въ фарфорѣ,

На цвѣтахъ роскошно пестрыхъ и въ китаекъ чудномъ взорѣ.

Она. Ахъ, мнѣ право совѣстно. Онъ. Но въѣдъ мы же свободные граждане, чортъ возьми, и за помыслами другихъ свободъ воспользуемся хоть свободой любви.

Въ этомъ блескѣ зрѣютъ смоквы, зрѣютъ сладостныя фиги, Ахъ, не тѣ, что здѣсь подписчикъ обрѣтаетъ часто въ книгѣ И въ журналѣ, что морочить громогласнымъ объявленіемъ,— Эти горьки и невкусны, тѣ-жъ ѣдятся съ наслажденіемъ...

II.

Чу-фу-динъ, китайскій идолъ, при сіяніи лампы, Въ темномъ капищѣ кривляясь, развозился безъ пощады. Видно, Чу-фу-динъ доволенъ... онъ моргаетъ и киваетъ, Въ глазахъ масляныхъ и узкихъ такъ довольство и сіяетъ. Всѣ черты у Чу-фу-дина какъ-то масляны и сладки,— Ну точъ въ точъ приказный прежній, послѣ славной, жирной взятки...

Лучъ лампы въ полумракѣ фантастически играетъ, Чу-фу-динъ тотъ лучъ игривый рѣзво ловить и хватаетъ. О, я знаю, что вселило Чу-фу-дину восхищеніе: Главный жрецъ ему сегодня сдѣлалъ жертвоприношеніе, И съ приличнымъ заклинаніемъ закололъ ему багана, Съ тѣмъ, чтобы онъ ему устроилъ приращеніе кармана, Такъ какъ вѣрные китайцы въ первый день луны двурогой Чтятъ жрецовъ своихъ дарами и дарятъ нерѣдко много. Вотъ и жрецъ великій входитъ въ храмъ чуть слышными стопами,

Но черты его ужасны, гнѣвъ нависнулъ надъ бровями, Пусты руки, безъ подачекъ, и болтаются уныло...

Вотъ что ликъ его маститый гнѣвной тѣнью омрачило. Были тщетны заклинанья... пусто, холодно въ карманѣ...

Жрецъ колѣна преклоняетъ на атласной пышной ткани, И предъ идоломъ возноситъ отъ души стѣсненной слово:

«Чу-фу-динъ! Великій идолъ—благоденствія земнаго... «Азъ глаголю, чревъ ничтожный, высшихъ благъ твоихъ алкаю, «Чу-фу-динъ! Великій идолъ! плетью выстукай меня... «Плетью выдеру на славу, ибо ты, великій идолъ, «За труды не токмо лани, даже чорта мнѣ не выдалъ

«Чу-фу-динъ! на лбу широко, заруби-ка эту штучку!.. И великій жрецъ съ почтеньемъ забираетъ плетку въ руку, И по спинѣ Чу-фу-дина хлещетъ очень церемонно,

И съ ироніей чуть видной въ поясъ кланяется томо... И съчетъ и произноситъ, все стегая съ большей силой: «Чу-фу-динъ! Великій идолъ! пожалѣй насъ и помилуй!..»

III.

Отъ рѣзныхъ узорныхъ башенъ тѣни длинныя упали, Тихо солнце закатилось, въ небѣ звѣзды засверкали, Весь ландшафтъ роскошно пестрый потонулъ во мглѣ неясной, И луна, блестя рогами, разлила свой свѣтъ прекрасный; Въ видѣ грудъ цвѣтовъ опавшихъ чай разсыпанъ подъ кустами И по немъ китайцы важно ходятъ мѣрными шагами,

И, носками загребая, мастерски его бросаютъ, Такъ въ Китаѣ для Европы лучший чай приготавливаютъ. А прелестныя китайки, снявъ чуть видныя сапожки, Рѣзво бѣгаютъ по чаю, такъ что лишь мелькаютъ ножки.

Все танцуетъ, все шагаетъ, лишь одинъ мудрецъ угрюмый Дзи-фу-энъ сидитъ надъ книгой, занятъ весь глубокой думой. «Что есть мудрость?» онъ сердито вдругъ надъ книгой восклицаетъ—

И въ смущеніи все трепещетъ и отвѣтитъ не дерзаетъ. «Что есть мудрость?» онъ съ насмѣшкой говоритъ лунѣ двурогой,

Но луна молчитъ упрямо и плыветъ своей дорогой, И мудрецъ идетъ къ Ти-эну, солнцу славнаго Китая, «Что есть мудрость?» дерзновенно у свѣтила вопрошая,

«Отвѣчай безъ замедленья, о! мудрѣйшій между нами!» Но Ти-энъ отвѣтъ свой хочетъ дать не словомъ, а дѣлами, И, чтобы знаніемъ похвастать, мудреца велитъ порядкомъ Гибкой тростью изъ бамбука отстегать по голымъ пяткамъ.

На двадцатой верстѣ отъ С.-Петербурга по Балтійской жел. дорогѣ находится Сергіевская пустынь. О жизни монаховъ въ этомъ «богоугодномъ заведеніи» сообщаетъ весьма пикантныя подробности г-жа Оріоль въ «Петерб. Газетѣ».

Настоятель сей смиренной обители, какъ оказывается получаетъ въ годъ доходу—тридцать тысячъ рублей!

И кромѣ того, какъ повѣствуетъ газета: — Онъ имѣетъ роскошно убранный келью съ тысячами картинами на стѣнахъ, имѣетъ двухъ лакеевъ, буфетнаго мужика, пользуется чудными выѣздными лошадьми при роскошномъ экипажѣ.

Даже при роскошномъ экипажѣ! Имя этого счастливца о. Михаилъ. Онъ крестьянинъ Витебской губ., въ міру—Матвѣй Горблышевъ.

За что купила, за то и продаю. Но трудненько удержаться отъ соблазна, читая подобныя «житія».

— Въ монастырь часто выѣзжаютъ дамы, любезно общаются та же газета, далѣе—все больше изъ высокопоставленныхъ съ корзинами, винами, рябчиками, тетерьками для веселой трапезы съ монахами.

Какъ оказывается, у каждого монаха той пустыни имѣется знатная покровительница. Съ однимъ иеромонахомъ произошелъ слѣдующій случай. Его покровительница, встрѣтивъ его съ другою особой у входа въ церковь, публично устроила ему сцену и даже начала... драться!

Другой иеродіаконъ до того досадился, что живымъ былъ взятъ... въ алафузовскую больницу... по случаю извѣстной, но неудобосказуемой болѣзни.

У сихъ смиренныхъ иноковъ кромѣ того въ большомъ же ходу вотъ какія великопостныя игрищи: купанье на взморьѣ совмѣстно съ женскими... И даже въ присутствіи рыбаковъ. А далѣе ужъ идутъ дѣла совсѣмъ таки семейныя.

— Поставъ монахи не соблюдаютъ. Послушники открыто ходятъ по мяснымъ лавкамъ.

— Всѣ монахи, за рѣдкимъ исключеніемъ, предаются усиленному пьянству.

— Виномъ у нихъ завѣдываетъ особый виночерпій, звонарь Кузьма...

Который неоднократно преслѣдовался урядникомъ Кричимъ и сельскимъ старостой Викторомъ Страшновымъ за безплатную торговлю виномъ.

Всѣмъ, какъ видите, подходящее и душеспасительное занятіе для «мнихъ».

А газета къ этому еще утѣшительно добавляетъ: — Зачастую монахи занимаются и карточной игрой.

Въ результатѣ получается загадочная картинка для пасты:

— Чѣмъ же однако не занимаются монахи Сергіевской пустыни?

Видимо о современныхъ «старцахъ» историку съ грустью придется записать только слѣдующее:

Отцы пустынники и жены непорочны Горазды были всѣ на оргіи полноты...

Ловкій народецъ эти черкесы: призвали ихъ отъ аграрныхъ безпорядковъ меня спасать, а они меня даже отъ моей благотворной забывали—и все за тѣ-же деньги.

Цѣна за строку непарель въ
1 столбецъ 25 коп.

Объявленія.

Редакторъ А. Гольмстремъ.
Колон., 32.—Изд. М. Лакшинъ.

Ново! шведское обѣлье
«КОМПОЗИЦИЯ».

Выдерживаетъ при
ежедневномъ упо-
требленіи
не мене 1
года.

ВСѢ ФАСОНЫ И РАЗМѢРЫ.

Цѣна: воротники за шт. 1 руб.
манжеты за пару 1 р. 75 к.
манжеты 3 велич. 2 р., 1 р.
75 к. и 1 р. 50 к.

СДѢЛАЙТЕ ПРОБУ!

Представитель для всей Россіи

Альбинъ Баде.

Екатерининскій кан., д. № 31 (на-
прот. Госуд. Банка).

ПРОСПЕКТЫ БЕСПЛАТНО.

52-3

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ

и живописная мастерская

С. А. ВЕЙНА.

Москва, Петровка, Салтыков-
скій пер., д. Головкина.

ТЕЛЕФОНЪ 46-40.

Пріемъ заказовъ на декоративно-
художественныя, живописныя, ма-
лярныя, кровельныя, вывѣсочныя и
прочія работы. Цѣны начинаются

отъ 1 коп. до 100
рублей

за квадратный аршинъ.

За исполнен
получены на
грады и поче

ныя работы
имѣющія на-
тн. отзывы.

Слѣдующій № 56

„Юмористич. Альманаха“

выйдетъ въ свѣтъ подъ названіемъ

„ДРУГЪ ДАЧИ“.

Продажа газетъ, журналовъ и др. произведеній печати,
также и подписка на нихъ по редакціоннымъ цѣнамъ.
♦♦ Пріемъ изданій на складъ и комиссію.

КОНТОРА „Вѣстникъ Объявленій“

Харьковъ, Плетневскій 2, д. Бупеч.
банка. Телеф. 1075

производитъ слѣдующія операціи:
Пріемъ объявленій въ мѣстныя и ино-
городнія газеты, журналы и специальн.
рекламныя изданія.

Развѣска плакатовъ по станціямъ жел.
дор., на пароходахъ, пристаняхъ и въ
вагонахъ трамвая.

Изготовленіе и распространеніе всевоз-
можнаго рода рекламъ.

Исполненіе литографскихъ, хромо-лито-
графскихъ и тисненыхъ плакатовъ и
клише.

Переводъ объявленій съ русск. аз. на
иностр. и обратно.

СПЕЦІАЛЬНАЯ СПРАВОЧНАЯ ГАЗЕТА

„Вѣстникъ Объявленій“.

Бъ услугахъ г.г. анонсодателей—аген-
ты для пріема объявленій и артель раз-
носчиковъ для распространенія.

●● СМѢТЫ ПО ТРЕБОВАНІЮ. ●●

Нужны асисты по вѣсть городовъ Юга Россіи.
Референци необходимы.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО ЖУРНАЛА

„ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ АЛЬМАНАХЪ“

выходящаго въ свѣтъ еженедѣльно подъ разными названіями,
доводить до свѣдѣнія, что до 25 Іюля сего 1906 года вышли въ
свѣтъ и поступили въ продажу 55 сборниковъ.

Вышедшіе сборники имѣются постоянно на складѣ. Желающіе по-
лучить по почтѣ какъ вышедшіе, такъ и новыя еженедѣльные
сборники высылаютъ по адресу: С.-Петербургъ, Коломенская, 39
одну семикопѣчную почтовую марку за каждый, или ОДИНЪ РУБ.
ЗА КАЖДЫЕ ДВАДЦАТЬ СБОРНИКОВЪ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.